

Марина Соколовская,

главный библиотекарь
Культурного центра
Свердловской областной
библиотеки им. В. Г. Белинского,
ассистент кафедры
истории искусства
Уральского государственного
университета
им. А. М. Горького.
Екатеринбург
smvb@yandex.ru

Работа с советской книгой

Опыт библиотекаря

Из двух с лишним миллионов документов, что хранит Свердловская областная универсальная научная библиотека им. В. Г. Белинского, большая часть создана в советскую эпоху. Это — итог знаний, мировосприятия той эпохи или рефлексии на советский мир. История книг поучительна: советская культура по книгам никогда не предстаёт монолитной, монологичной, замкнутой в своих пределах и неизменной. Выставки по истории книги XX столетия могут предьявлять публике более глубокие образы советского прошлого, но их создание ставит перед библиотекарями ряд вопросов.

Как работник провинциальной библиотеки, я обречена иметь дело, прежде всего, с советским наследием и историей. Сейчас, когда наша библиотека не получает деньги на комплектование, её репутация во многих случаях базируется на наличии тех изданий, что поступили в советское время. Книги 1950-х или 1980-х годов читаются наравне с современными, но могут быть осмыслены и как свидетельства советской культуры.

В 1998 году в библиотеке открылся выставочный зал, одной из программ которого была серия выставок «Сокровища Белинки. Эпоха через книгу». Как вспоминают коллеги, работавшие над выставками, каждая экспозиция меняла их представление об эпохе, что было сформировано учебником: история оказалась сложнее и богаче. Это были выставки о двадцатых, тридцатых и пятидесятых годах двадцатого века, о Великой Отечественной войне. Из книжного фонда собирались все любопытные книги (часто их содержание как раз и было неожиданным), комментарием к текстам этих сотен книг были работы современных художников, используя которые, пытались реконструировать визуальный образ эпохи. Экспозиционный замысел, на мой взгляд, был противоречив: работы художников не комментировали непосредственно создаваемые книгами и их предъявлением образы истории, они были призваны подтверждать исторические представления самих создателей выставки. Тогда как разнообразие книг, особенности текстов и их оформления позволяли преодолеть диктат некоторого одномерного визуального образа того или иного десятилетия. Если зрительный образ эпохи и был по-прежнему продуктом советской истории и идеологии, книжные повествования отсылали к быту, к повседневной жизни, к другим, индивидуальным историям на фоне большой, социально-политической, истории.

Постепенно «мелкие» истории, не имеющие дел напрямую с социально-политическими процессами и идеалами, оттеснили большие исторические повествования. В 2000-х годах уже я имею дело с микроисториями: картина мира по азбукам и букварям, архитектура

библиотеки, история книги о животных, кулинарной книги, меню столовых и кафе или детской одежды. Представляется, что в екатеринбургских музеях и библиотеках не хватает именно выставок о невеликом, о частной жизни людей и вещей.

Весной 2006 года я делала выставку о кулинарной книге. Кроме парочки дореволюционных изданий книги Елены Молоховец и репринтных изданий нескольких старинных немецких кулинарных книг, в фонде библиотеки не было других книг из давних времён. Зато обнаружилось огромное количество интереснейших книг советского времени. Их история и история кулинарной культуры XX века в целом стали сюжетом выставки. Примерно в то же время в Австрийской национальной библиотеке открылась выставка «Кулинария и культура пиршества». Публике предоставили возможность погрузиться в зрелищный мир старины, чуть ли не попробовать блюда, приготовленные по старинным рецептам. Нет в Екатеринбурге таких богатств, но история гастрономических привычек XX столетия сама по себе кажется мне не менее интересной. Она больше может рассказать о нашей современной жизни, это история индустриального общества, социально-политическая история, в конце концов, это история о природе вещей и природе человека¹. Тогда же, отдавая «Книгу о вкусной и здоровой пище» 1939 года издания реставраторам, столкнулась с заданным ими вопросом о её ценности. Большой тираж, советских времён издание. Пока всё внимание приковано к книгам издательства Academia или к книгам дореволюционным, часть не менее ценных, но кажущихся такими знакомыми и обычными книг оказывается незамеченной и неизученной, а вместе с ними — часть той истории, что не выясняет, кто прав, кто виноват, кто победил, но рассказывает о жизни людей прошлого и о нашей жизни, связывает разные поколения.

Выставка «Кулинарные истории» показательна. С историей вещей работать проще, чем с историей политической.

¹ О сюжете выставки я подробно писала в журнале «Большая библиотека» в №3 за 2007 год; см.: http://book.uraic.ru/chitaem_vmeste/bb/3.

Работа с советской книгой

Опыт библиотекаря

Она сомасштабна жизни каждого человека больше, чем история государств; она не взывает к этическому выбору, к ответственности за дела прошлых поколений; ей больше доверяешь, и она может быть более зрелищна. Более того, эту историю можно рассказывать очень вольно, правда, образы здесь часто сильнее правды факта, но это выставкам такого рода только на руку. Старые склянки, печатные машинки, истории про чулки, книжки о кондитерском производстве часто рождают ностальгические чувства, опыт родителей здесь легко переживается как свой, как общий.

Но, работая с книгами и вещами советского времени, сталкиваешься с некоторыми трудностями.

Распространено презрительное отношение к самым обычным, «советским» вещам и растерянное — в отношении к истории социально-политической. Для выставки кулинарной книги в Музее этикетки «Авантаж-1» (Екатеринбург) подбирались упаковки с рецептами с 1960-х годов. Коллекция этого музея помимо предприятия, при котором он создан, показывается в разных музеях Екатеринбурга, и куратор музея Алла Кузнецова говорила, что редко кто спрашивает у них для экспонирования этикетки и упаковку послевоенного времени — всем подавай рубеж XIX-XX веков. Очень многим советские предметы кажутся знакомыми, заурядными, не стоящими внимания, как будто они до сих пор в обиходе и напоминают о советском прошлом.

Это отношение становится причиной ещё одного затруднения: самые банальные вещи с течением времени оказываются порой самыми редкими. В Екатеринбурге отсутствуют репрезентативные и каталогизированные музейные коллекции и серьёзные публикации по истории повседневной и частной жизни (не статьи, диссертации и даже не научно-популярные книги, а именно монографии с иллюстрациями, с перечнями вещей, привязанных к публичным и частным коллекциям, и т. п.). Так, к сожалению, я не нашла какого-то детального исследования русской или советской кулинарной книги. Поэтому история советской повседневной жизни рассказывается

фрагментарно. Кому-то, возможно, этот советский опыт кажется очевидным, но постепенно вырастают те, кто родился не в СССР, а та прошлая, бывшая до них, жизнь переживается в музейно-библиотечном пространстве как дряхляя. Мне кажется, это идеальное состояние для мифологизации истории. Советский мир необходимо сопоставлять с современностью, изучать и показывать, преодолевая идеологические схемы. И, может быть, это прошлое надо также более мастерски музеефицировать, дотошно описать, чтобы оно воспринималось как прошедшее. Хотя представление о том, что такое история, постепенно меняется: субъективность, фрагментарность и фантазийность повествования становятся приметами популярной истории, и прошлое длится бесконечно: каждый начинает делать выставку почти с нуля и со своей личной истории и опыта.

Приведу пример. Когда мы с коллегами из Музея истории города Екатеринбурга начинали готовить выставку о детской одежде советского времени (выставка «Прекрасное далёко» работает в музее с апреля по декабрь 2009 года), в музее почти не было вещей: их принесли коллекционеры или те, кто хранит свои детские платья, что-то нашли на «блошином» рынке. Были споры о том, что важнее для выставки по истории одежды: предъявить сами предметы с их фрагментарными историями или сделать выставку-высказывание. В конце концов, в качестве экспозиционного сюжета музей выбрал сопоставление мира детской моды (как он представлен был в модных советских журналах) и мир повседневного, реального (через показ фотографий из семейных архивов, предметов одежды и собранных воспоминаний людей разных возрастов). Все экспонаты размещены хронологически, по десятилетиям, и почему-то у меня эта экспозиция вызывает воспоминания о посещении ВДНХ в конце 1980-х. Такое ностальгическое попадание в визуальный мир прошлого очень трогательно. И большинство посетителей видело в этой выставке возможность вспомнить мир своего детства и показать его детям или внукам. Тем не менее, были и возмущённые тем, что «показан мир советской бедности,

а жили они не так уж и плохо». Зрители порой желают оценок больше, чем знаний, и сами переполнены оценками, готовы повседневную жизнь рассматривать в социально-политическом контексте, как подконтрольную каким-то директивам, и главным зрительским вопросом часто бывает вопрос о том, хорошо или плохо жили в советское время.

Мне же кажется, выставке не хватило научной программы. Занимая небольшой зал, подготовленная на скорую руку и в отсутствие опубликованных внятных научных исследований (прежде всего книг, если таковые и имеются: в местных библиотеках обнаружить их не удалось), она о многом не рассказывает. Например, о мелочах вроде традиционных детских шорт (трусов) довоенного времени, или о той же бедности, о промышленном и домашнем производстве одежды.

И это тоже одна из сложностей работы с советскими вещами и книгами: от устроителя выставки, посвящённой культуре СССР, часто ждут выражения его политической позиции.

Да, форма и содержание книг и вещей, как и их функция, часто определены идеологией, её можно вычлениить и сделать более явной сегодня, но не всё в повседневной и частной жизни советского человека определялось «советской идеологией» и подлежит оценке именно и только как советское. Выставка кулинарной книги позволила больше говорить о советской культуре как индустриальной: в кулинарных изданиях гораздо меньше проявлена социалистическая картина мира. Замысел выставки по истории детской одежды советского времени возник как оппозиция выставке о пионерах, и история костюма на выставке противостоит истории пионерии. Жизнь противоречивее идеологий, да и идеологические установки часто сложно свести к двум-трём шаблонным положениям. Вот об этой жизни людей, о многообразии идей, которые определяли их жизни, о всегда сохраняющейся возможности частной жизни и личной оценки и хочется говорить больше.